

ЗОЛОТИНКА

ПОДРУГА ДО СМЕРТІ

Мистический роман

18+

Певица Золотинка

ПОДРУГА ДО СМЕРТИ

<https://litres.ru/74625337>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подруга вошла в жизнь Галины ещё в детстве. Прошли годы, появились работа, семья, взрослые заботы, а привычка доверять друг другу осталась. Галина считала эту дружбу одной из самых надёжных вещей в своей жизни. Она не замечала, как под знакомыми словами и обычными визитами постепенно возникало то, чего прежде между ними не было. Позднее ей придётся вспомнить многое, но пока причин тревожиться она не видела.

С мужем Галина прожила больше двадцати лет. Не каждый год был счастливым, случались споры и обиды, но семья оставалась для неё домом, к которому возвращаются после трудного дня. Она не проверяла мужа и не опасалась оставлять его наедине со своей подругой. Именно поэтому перемены, которые вскоре начнутся, застанут её неподготовленной.

Когда пришла тяжёлая болезнь, Галина думала прежде всего о здоровье. Операция по поводу опухоли осталась позади, врачи уже говорили о необходимости второй. Сил почти не было, еда вызывала тошноту, и всё больше дней проходило в постели.

Певица Золотинка

ПОДРУГА ДО СМЕРТИ

ЗОЛОТИНКА

ПОДРУГА ДО СМЕРТИ

Мистический роман

ПРОЛОГ

Подруга вошла в жизнь Галины ещё в детстве. Прошли годы, появились работа, семья, взрослые заботы, а привычка доверять друг другу осталась. Галина считала эту дружбу одной из самых надёжных вещей в своей жизни. Она не замечала, как под знакомыми словами и обычными визитами постепенно возникало то, чего прежде между ними не было. Позднее ей придётся вспомнить многое, но пока причин тревожиться она не видела.

С мужем Галина прожила больше двадцати лет. Не каждый год был счастливым, случались споры и обиды, но семья оставалась для неё домом, к которому возвращаются после трудного дня. Она не проверяла мужа и не опасалась оставлять его наедине со своей подругой. Именно поэтому перемены, которые вскоре начнутся, застанут её неподготовленной.

Когда пришла тяжёлая болезнь, Галина думала прежде всего о здоровье. Операция по поводу опухоли осталась позади, врачи уже говорили о необходимости второй. Сил по-

что не было, еда вызывала тошноту, и всё больше дней проходило в постели. Помощь предложила Катя — дочь знакомой, уже обращавшаяся к колдунье. Галина согласилась на разговор, ещё не зная, насколько трудными окажутся для неё вопросы, совсем не связанные с медициной.

ГЛАВА 1

ДРУЖБА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Галина не помнила дня, когда они стали подругами. Они выросли рядом, почти ежедневно встречались и знали семейные новости друг друга. Их дружба начиналась без громких обещаний: сначала общие прогулки и школьные разговоры, потом привычка делиться всем, что случалось за день. С годами Галина всё меньше задумывалась, почему доверяет именно этой женщине. Казалось, иначе и быть не могло.

В юности различия между ними не казались важными. Галина могла быстро увлечься новым делом, потом рассердиться на себя из-за поспешного решения, а уже на следующий день рассказывать о случившемся с улыбкой. Подруга слушала внимательно, иногда подшучивала, иногда давала совет таким серьёзным тоном, словно давно всё поняла. Галина не всегда следовала этим советам, но дорожила уверенностью, что есть человек, которому можно признаться и в собственной нелепости. За годы дружбы они видели друг друга в слишком разных обстоятельствах, чтобы постоянно стараться казаться лучше. Так, во всяком случае, думала Галина.

У взрослой жизни появился собственный порядок. Учё-

ба, работа, домашние заботы постепенно заняли то время, которое прежде можно было отдавать разговорам без конца. Встречи стали зависеть от обстоятельств, а сообщения и звонки заменяли долгие прогулки. Но ощущение близости не исчезло. Галина даже гордилась тем, что дружба сохранилась, несмотря на перемены. Новые знакомые приходили и уходили, общие интересы иногда заканчивались, а с подругой по-прежнему не требовалось объяснять, кто есть кто и почему та или иная семейная история до сих пор вызывает досаду. Их объединяло прошлое, и Галина принимала эту связь за надёжную гарантию настоящего.

Когда в её жизни появился будущий муж, она не собиралась держать отношения в тайне от близкой подруги. Как и прежде, делилась тем, что волновало, прислушивалась к замечаниям, обижалась на слишком резкие оценки, а затем забывала обиду. Влюблённый человек редко замечает, как меняется собеседник, когда разговор раз за разом возвращается к чужому счастью. Галина видела прежде всего собственное ожидание встреч, радость от внимания мужчины, осторожную надежду на семью. Всё остальное оставалось по краям этой истории, не вызывая серьёзного интереса. Подруга знала о её чувствах больше, чем многие другие, и это казалось естественным продолжением прежней откровенности.

Замужество не заставило Галину отказаться от дружбы. Напротив, ей хотелось, чтобы самые близкие люди не существовали в разных, никак не связанных частях жизни. Она

считала удобным и правильным, когда муж знает подругу, а подруга может прийти в дом без лишних церемоний. Такая открытость не представлялась ей риском. Доверие вообще редко замечают, пока оно работает: не приходится заранее продумывать, где провести границу, какие слова лучше не произносить и сколько чужого внимания допустимо в семейном разговоре. Галина жила без подобных расчётов и принимала это за норму. Если возникало случайное неудобство, оно забывалось среди более важных дел.

За двадцать с лишним лет совместной жизни у неё с мужем накопились собственные привычки. Постороннему они могли показаться ничего не значащими, но из таких мелочей складывается дом: кто первым замечает нехватку продуктов, кто вспоминает о предстоящей поездке, кто молчит после ссоры дольше, чем нужно. Случались и тяжёлые разговоры, и дни усталости, когда не хотелось уступать даже в пустяках. Галина не жила в убеждении, будто близость защищает от всякого разочарования. Однако она различала обычную семейную шероховатость и сознательный обман. Между ними, по её представлению, проходила черта, которую не переступают люди, однажды решившие быть вместе.

Подруга оставалась свидетелем этой жизни. Галина рассказывала ей не только об удачах. Порой жаловалась на мужа и после жалела, что сказала слишком много: следующая ссора проходила, а неласковые слова уже были произнесены. Подруга умела задавать вопросы, от которых обида стано-

вилась понятнее, и Галина принимала её внимательность за участие. Она не допускала мысли, что подробности семейной жизни можно собирать с иной целью, нежели желание помочь. Привычка говорить откровенно была сильнее осторожности. Женщине, знавшей её с детства, Галина доверяла те сомнения, которые не стала бы обсуждать даже с хорошими знакомыми.

Когда подруге не всё нравилось в их семейном укладе, Галина находила этому самые простые объяснения. У людей разный характер, разный опыт, разные представления о том, что считать удачным браком. Иногда замечание звучало чуть колко, но за годы дружбы они давно научились обходиться без непрерывной взаимной учтивости. Галина могла ответить такой же шуткой или перевести разговор на другое. Она не пыталась выяснить, что именно скрывается за отдельными интонациями. Теперь ей, возможно, пришлось бы признать, что близкие люди могут годами понимать одни и те же отношения совсем по-разному. Тогда подобное предположение показалось бы ей искусственным.

Подруга всё внимательнее присматривалась к семейной жизни Галины. Удачное замужество приятельницы всё чаще заставляло её сравнивать чужую жизнь со своей. Иногда это проскальзывало в колком замечании, иногда — в вопросе о семейной размолвке, к которой Галина сама уже не хотела возвращаться. Галина не придавала этим мелочам значения: слишком давно они дружили, чтобы каждую неудачную фра-

зу принимать за проявление враждебности.

ГЛАВА 2

НЕЗАМЕТНАЯ ЧЕРТА

Галина не придавала значения разговорам мужа с подругой без её участия. Ей нравилось, что они нашли общий язык. Когда приходилось выйти из комнаты или задержаться по делам, она спокойно оставляла их вдвоём. За долгие годы совместной жизни ей ни разу не приходило в голову подсчитывать минуты их общения. Доверие к мужу и подруге казалось естественным, и именно этим они воспользовались.

Семейные привычки складывались медленно. За годы брака исчезла потребность объяснять каждую мелочь, и это облегчало совместную жизнь. Муж мог не спрашивать, почему Галина устала, она по короткому ответу понимала, стоит ли продолжать разговор. Некоторые разногласия давно повторялись по знакомому кругу и заканчивались примирением, которое уже не сопровождалось пространными признаниями. Галина не считала такую повседневность признаком охлаждения. Двадцать с лишним лет вместе научили её различать тревогу и обычную усталость. Но та же привычка доверять иногда мешала заметить перемены. Всякое новое раздражение можно было объяснить работой, всякую рассеянность — заботами, всякое нежелание говорить — потребностью побыть одному.

Подруга оставалась человеком, которому Галина могла пожаловаться, не подбирая выражений. Вечером после раз-

молвки иногда хотелось выговориться, а утром уже не хотелось помнить причину ссоры. Подруга же помнила сказанное. Она задавала уточняющие вопросы, интересовалась, часто ли муж ведёт себя таким образом, чего он хочет от семейной жизни. Сами вопросы были вполне обычными и не вызывали настороженности. Галина отвечала, потому что видела перед собой ту самую девочку, с которой дружила с детства. Мысль о том, что собеседница может сравнивать её брак с собственными мечтами, не приходила ей в голову. Возможно, именно здесь и пролежала первая невидимая трещина: одна женщина рассказывала о своей жизни, другая всё внимательнее присматривалась к месту, которое в этой жизни занимала хозяйка дома.

Однажды Галина поймала себя на неловком чувстве после обычного разговора с подругой. Та слишком подробно расспрашивала о семейной размолвке, которую сама Галина уже почти забыла. Хотелось сказать, что обсуждать больше нечего, но подруга возвращалась к теме, будто ей было важно убедиться, что супруги действительно не ладят. Галина тогда не стала спорить. Дружба была слишком старой, чтобы из-за неудачно выбранной темы устраивать выяснение отношений. Она перевела разговор на дела, и напряжение прошло. В памяти не осталось ни точных слов, ни особой даты. Осталось лишь то редкое, неприятное чувство, которое невозможно объяснить убедительно даже самой себе. Впоследствии подобные неясные воспоминания начнут казаться

значительными, хотя тогда они не доказывали равным счётом ничего.

У подруги была собственная жизнь, но Галина не привыкла измерять её удачами и неудачами. Она никогда не думала о дружбе как о соревновании, в котором одна победила, а другая обязана проиграть. Поэтому чужое внимание к своему дому она принимала за естественное любопытство. Если подруга замечала новую вещь или спрашивала о планах супругов, Галина не слышала в этом скрытого упрёка. Её даже радовало, когда можно было поделиться приятной новостью. Лишь намного позднее, после слов колдуньи о зависти, она мысленно вернётся к этим беседам. Тогда многое получит иное толкование, но доказать, что за каждым вопросом стояла недоброжелательность, будет невозможно. Галина не могла и не хотела объявлять всё прошлое ложью.

Для мужа появление подруги в семейном кругу тоже стало привычным. Не требовалось представлять их друг другу или соблюдать осторожную дистанцию первых знакомств. Все трое давно знали, кто чем живёт, какие темы лучше не поднимать, о чём можно пошутить. Такая близость выглядела удобной, пока каждый помнил о своём месте. Галина не замечала, чтобы кто-то открыто нарушал это правило в её присутствии. Именно поэтому позднейшее известие об измене оказалось не просто болезненным, а непонятным. Получалось, что она много раз находилась рядом с людьми, которые знали о ней нечто важное и умели сохранять молча-

ние. Она же продолжала разговаривать с ними свободно, не подозревая, какую цену однажды придётся заплатить за это спокойствие.

Галина не знала, когда обычное знакомство мужа с её подругой превратилось в тайную связь. Не знала, кто первым назначил встречу и кто первым позволил себе то, чего нельзя было позволять. Позднее она будет вспоминать их поведение, но прошлое не даст ей точного ответа. Ей останется судить об этих отношениях по тому, что они сделали с её собственной жизнью.

Тем временем семейные дни шли своим чередом. Работа требовала внимания, домашние обязанности не исчезали из-за ссор, а усталость к вечеру порой делала супругов молчаливыми. Галина считала это обычной жизнью. Она не ждала от мужа постоянных доказательств любви и сама не устраивала торжественных подтверждений верности. Подруга знала эту сторону её характера: Галина могла вспылить, но не держала обиду бесконечно; любила делиться новостями, но редко проверяла, правильно ли её поняли. Она верила, что старая дружба выдерживает прямоту. Возможно, именно поэтому замечала слишком мало там, где человеку со стороны показалось бы разумным насторожиться. Однако сомнения задним числом никогда не становятся надёжным знанием.

Визиты подруги не прекратились и после того, как её внимание к мужу Галины перестало быть невинным. Она знала, где лежат чашки, без просьбы помогала убрать со сто-

ла и умела задать вопрос так, что Галина сама рассказывала больше, чем собиралась. Знакомая обстановка позволяла любовникам не выделяться: хозяйка видела двух людей, давно привыкших к обществу друг друга.

Внутри этого знакомого круга складывалась другая жизнь. Муж Галины уже привык утаивать мелочи, подруга научилась не выдавать напряжения при общих встречах. Каждый раз, когда они оставались наедине, требовалось заново договариваться о будущем. Ни один из них не хотел отказываться от связи, хотя у обоих были причины опасаться огласки.

Пока всё это оставалось скрытым, у Галины не было оснований строить обвинения. Измена и намерения подруги проявятся для неё в рассказе колдуньи и в событиях последующих недель; в обычной повседневности она ещё не располагала ответами. Ей казалось, что самая трудная часть семейной жизни — научиться договариваться после ссор и не копить взаимное раздражение. О предательстве она думала как о чужой беде, неприятной истории, которая происходит где-то рядом, но не в собственном доме. Такой уверенности не нужны были доказательства. Она держалась на длинном общем прошлом, а прошлое легко принять за гарантию будущего.

Подруга между тем продолжала пользоваться прежней близостью. Галина не задавала вопросов, которые после могли бы показаться очевидными. Для чего расспрашивать че-

ловека о его отношении к мужу подруги, если само такое предположение кажется нелепым? Для чего пересматривать каждый чужой взгляд, если годы знакомства приучили не искать в нём угрозы? Её доверие не было слепотой в простом смысле слова. Она замечала неприятные мелочи, иногда улавливала резкость в голосе, временами уставала от слишком настойчивого участия. Но ни одна из этих вещей не складывалась в доказательство связи. Близкие отношения редко разрушаются от одного подозрения. Чаще человек долго объясняет себе чужие поступки так, чтобы сохранить привычный мир.

Позднее Галина поймёт, сколько общего знания было у мужа и подруги и как мало осталось ей самой. Но сейчас важнее казались обыкновенные заботы. Она не подозревала, что спокойствие в доме поддерживается двумя людьми, которым приходится согласовывать даже привычные слова и жесты.

Тогда Галина ещё не связывала редкие перемены настроения мужа с визитами подруги. Ей казалось, что с годами семейная жизнь просто становится менее разговорчивой: всё важное давно известно, всё неприятное можно обсудить позже. Она не стремилась разбираться в каждом взгляде или чужом молчании. Именно эта естественная привычка доверять позволяла мужу и подруге оставаться безнаказанно близкими.

ГЛАВА 3

ДОМ, В КОТОРОМ ВСЁ ПРИВЫЧНО

За двадцать с лишним лет совместной жизни Галина научилась понимать мужа с полуслова. Она знала, в каком настроении он вернулся, ещё прежде чем он снимал верхнюю одежду, и по тому, как долго задерживался с ответом, догадывалась, стоит ли начинать неприятный разговор. Такие наблюдения не казались ей особым даром: они приходили сами собой, вместе с годами. Временами она раздражалась на собственную привычку всё угадывать заранее, но и изменить её не пыталась. У супругов существовал заведённый порядок, в котором было место усталости, обычной заботе и небольшим обидам. В этом порядке Галина чувствовала себя дома.

Когда-то ей нравилось рассказывать подруге о семейных делах. С той не нужно было объяснять предысторию: подруга помнила Галину ещё девочкой, знала, какие мечты у неё были прежде чем появился муж, и потому легко понимала даже самые краткие намёки. С годами темы менялись. Вместо школьных историй они обсуждали работу, домашние хлопоты, отношения с близкими. Иногда Галина жаловалась на мужскую несговорчивость, иногда смеялась над пустяками, иногда, наоборот, вступалась за мужа, если подруга высказывалась о нём слишком резко. Она считала подобные разговоры естественной частью дружбы и не задумывалась, сколько подробностей о её семье постепенно оказывается известно постороннему человеку.

Подруга умела слушать. Она редко перебивала, позволяла выговориться и могла неожиданно вспомнить мелочь из

давнего разговора, которую сама Галина уже забыла. Порой такое внимание трогало. Галина думала, что только настоящая близость заставляет человека хранить столько чужих забот в памяти. Ей не приходило в голову, что те же сведения при ином отношении можно использовать против неё. Знать, когда между супругами случилась ссора, из-за чего муж раздражён и на что жена особенно болезненно реагирует, — значит быть допущенной далеко за границу, которую люди обычно устанавливают для знакомых. Но между подругами эта граница давно исчезла.

В их встречах не было ничего необычного. Подруга приходила в гости, участвовала в беседах, спрашивала о здоровье и привычно обращалась к мужу Галины. Для самой хозяйки присутствие третьего человека в доме не выглядело вторжением. Напротив, она радовалась, что люди, которых любит, умеют находить общий язык. Когда разговор складывался легко, можно было заняться другими делами, не стараясь всё время быть рядом. Галина не раз оставляла их беседовать и ни разу не считала это поводом для подозрений. Позднее она будет вспоминать именно эту свободу, с которой сама открывала подруге двери своего дома.

Разумеется, семейная жизнь не состояла из одних добрых вечеров. С годами у мужа появились привычки, которые Галина не одобряла, у неё самой — требования, не всегда совпадавшие с его желаниями. Они спорили и мирились, поразному смотрели на некоторые решения. Подруга станови-

лась свидетельницей не каждого спора, но слышала достаточно, чтобы составить собственное мнение. Галина, рассказывая о разногласиях, редко замечала, что делает односторонний снимок происходящего: в минуту обиды человеку проще говорить о своей правоте. На следующий день супруги могли уже не помнить причины ссоры, тогда как услышанные слова оставались у третьего человека.

Однажды Галина поймала себя на мысли, что подруга слишком хорошо осведомлена о настроении мужа. Подруга почти безошибочно угадывала, когда он замкнётся, а когда охотно поддержит разговор. Галину это лишь позабавило. Она объяснила себе подобную наблюдательность тем, что человек часто бывает у них дома. Да и сама подруга говорила об этих особенностях открыто, без смущения. Если бы Галина решила считать каждую такую мелочь тревожным сигналом, ей пришлось бы отказаться от прежнего представления о дружбе. Для подозрения нужны были причины серьёзнее, а причин она тогда не видела.

В отношении мужа к подруге тоже случались перемены, которые по отдельности ничего не значили. Он мог проявить внимательность, помочь с небольшим делом, охотнее обычного поддержать её мнение. Иногда, наоборот, держался холодно, и Галина думала, что он просто устал от чужого присутствия. Ей не хотелось превращать дом в место постоянной проверки чужих интонаций. Она гордилась тем, что в их семье принято доверять друг другу. Подозрительность каза-

лась ей разрушительной: стоит однажды начать искать скрытый смысл в каждом взгляде — и спокойной жизни уже не будет.

Подруга всё чаще сравнивала свой быт с жизнью Галины. Та не замечала, как расспросы о муже становились настойчивее, а замечания о семейных делах — всё колче. Внешне их встречи оставались прежними: чай, разговоры, привычные домашние хлопоты. Эта обыденность и помогала скрывать перемены. Галина продолжала говорить с подругой откровенно, не подозревая, как внимательно та слушает каждую жалобу на мужа.

Если бы Галина заранее узнала о неверности мужа, её жизнь всё равно изменилась бы тяжело, но понятно. Можно было бы задать прямые вопросы, услышать ответы, принять решение. Она знала, что супруги иногда расходятся после многих лет вместе, и не считала себя защищённой от всех человеческих ошибок. Однако представить, что мужчина, с которым она прожила больше двадцати лет, изменяет ей именно с подругой детства, было почти невозможно. Такая мысль требовала пересмотреть сразу два важных чувства. До болезни у Галины не было повода делать это: она продолжала жить, работать и заботиться о доме.

Подруге уже было мало внимания чужого мужа. Она хотела, чтобы он принадлежал ей без оговорок и постоянных возвращений домой. Каждый новый разговор с ним укреплял это желание. Она слушала его жалобы на семейную жизнь и

охотно соглашалась, когда он сердился на жену. Постепенно она привыкла считать Галину главным препятствием, хотя та по-прежнему принимала её как близкого человека.

Галина не любила спорить о том, что настоящая дружба будто бы обязана выдерживать любое испытание. Она предпочитала более простую меру: если человек рядом много лет, если не исчезает в трудный день и знает тебя настоящую, ему можно доверять. С подругой это правило казалось подтверждённым временем. Девочки, когда-то делившие свои секреты, стали взрослыми женщинами; изменились обстоятельства, но сохранилась привычка считать друг друга своими. Галина не спрашивала, осталось ли у подруги то же представление о близости. Такие вопросы задают лишь тогда, когда появляется причина усомниться, а до поры она не появлялась.

ГЛАВА 4

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

В браке Галины давно установился порядок, который со стороны мог казаться скучным. Привычки складывались годами, и никто уже не помнил, кто первым предложил ужинать в определённое время, где держать документы и когда навещать родственников. Именно такие мелочи превращают жильё в дом. Галина ценила эту обжитость, хотя порой сердилась на мужа за то, что он считал её заботы чем-то само собой разумеющимся. Ей хотелось услышать простое спасибо за сделанное, но она не любила выпрашивать внимание.

Если день проходил спокойно, обиды отступали; наутро начинались новые дела.

Подруга знала этот семейный уклад почти так же хорошо, как сама Галина. Войти в дом для неё означало оказаться в знакомой обстановке, где не требовалось долго объяснять, что случилось и кто о чём думает. В юности подобная близость казалась наградой за верность дружбе. С годами в ней появилась оборотная сторона: подруга видела не только радости Галины, но и то, что ей доставалось без борьбы. За одним столом она могла смеяться, поддерживать хозяйку, обсуждать обычные новости, а по дороге домой сравнивать чужое семейное благополучие со своей жизнью. Галина об этих сравнениях не подозревала.

Сначала подруга убеждала себя, что просто лучше понимает мужа Галины. Он жаловался на домашние разногласия, а она терпеливо слушала, не напоминая о достоинствах жены. Позднее ей всё труднее было переносить его возвращения домой. Она уже представляла жизнь, в которой он не должен ни перед кем оправдываться, а ей не приходится ждать следующей тайной встречи. Зависть к Галине постепенно становилась сильнее прежней дружеской привязанности.

Муж Галины привык к давнему присутствию этой женщины. Она не была для него посторонней знакомой, поэтому он не всегда следил за тем, как звучат его шутки или комплименты. Случалось, он охотнее отвечал на её вопросы, чем на

просьбы жены, и вряд ли считал это важным. Галине подобные моменты казались мелочами. Нельзя же ревновать к подруге, которая бывала рядом столько лет и давно стала почти родственницей. Да и сам муж, полагала она, должен понимать, где заканчивается дружеское расположение и начинается то, что может обидеть близкого человека.

Однажды привычный разговор затянулся после того, как Галина вышла из комнаты по домашнему делу. Когда она вернулась, собеседники замолчали не сразу, но прежней непринуждённости уже не было. Подруга первой спросила её о чём-то постороннем, муж отвёл глаза и занялся своим делом. Галина заметила перемену, однако не стала искать в ней второго смысла. Каждый имеет право на разговор, не предназначенный для третьего. Ей самой не раз приходилось обсуждать с подругой то, что не хотелось говорить при муже. Разница состояла в одном: её собственные разговоры не были связаны с намерением кого-то обмануть.

По отдельности такие эпизоды ничего не доказывали. Человек способен смутиться из-за пустяка, вовремя не ответить на вопрос, отвлечься или произнести неудачную фразу. Но в будущем Галина станет мысленно возвращаться именно к подобным минутам. Память, как назло, сохраняет не весь прожитый день, а странную паузу, недоговорённое слово, выражение лица. Тогда ей казалось, что она умеет отличать существенное от случайного. Позднее выяснится, насколько обманчивой бывает уверенность, основанная на многолет-

ней привычке доверять.

Для подруги граница, которую прежде нельзя было пересекать, сдвигалась постепенно. Всякий раз находилось объяснение: она просто выслушала мужчину, которому трудно дома; он просто поделился раздражением; им обоим нечего скрывать, раз они столько лет знакомы. Когда он жаловался на жену, она не спешила напоминать о достоинствах Галины. Наоборот, выслушивала терпеливо и давала понять, что понимает его лучше. Это было особенно удобно потому, что сама Галина не знала о таких разговорах. В её присутствии подруга оставалась внимательной и заботливой, и ей не требовалось играть новую роль — достаточно было умолчать о другой.

Муж всё чаще позволял себе в разговорах с подругой то, чего избегал дома. Иногда проще показаться остроумным перед человеком, который не разделяет с тобой ежедневную ответственность. Подруга не спорила из-за накопившихся дел, не напоминала об обещаниях, не требовала участия в домашних заботах. Ей доставалась та часть общения, которую легко принять за особую близость. Он не замечал или не хотел замечать, что сравнивает несравнимое: женщину, живущую рядом с ним каждый день, и женщину, которая появлялась тогда, когда сама выбирала. Для Галины подобное сравнение изначально было бы унижительным.

Отношения мужа и подруги постепенно перестали быть дружескими. Каждый из них мог остановиться, пока встречи

не превратились в постоянную ложь, но ни один этого не сделал. Они продолжали видаться и искать оправдания своим поступкам. Дома у Галины оба держались привычно, словно ничего не происходило. В этом спокойствии и заключалась главная жестокость их обмана: Галина ещё считала их самыми близкими людьми.

Галина в это время занималась своей обычной жизнью. Долгие годы брака научили её различать настоящие семейные затруднения и пустые размолвки. Она не считала нужным проверять каждый шаг мужа или расспрашивать подругу о каждом её разговоре. Ей было достаточно уверенности, что близкие люди понимают цену доверия. Эта уверенность определяла многое: она могла впустить подругу в дом без предупреждения, обсудить с ней семейные неприятности, попросить совета, не думая, что сказанное когда-нибудь будет использовано против неё. Галина не была наивной во всём; просто в одном важном отношении она не допускала злого умысла.

Самым тяжёлым для будущего открытия окажется то, что внешне жизнь не переменялась в одночасье. Муж продолжал оставаться мужем, подруга — подругой, дом был наполнен теми же вещами. Никто не объявлял о новой расстановке сил. Даже возможные обиды не превращались в откровенный конфликт: гораздо удобнее было сохранять видимость прежних отношений. Галина же принимала спокойствие за отсутствие опасности. Ей ещё предстояло узнать, что две са-

мые привычные роли в её жизни могут скрывать совсем другое содержание.

Подруга всё острее воспринимала счастье Галины как обиду, нанесённую ей лично. Она считала несправедливым, что любимый мужчина возвращается к жене, и всё чаще называла эту женщину препятствием. Муж жаловался на семейную жизнь, но уклонялся от решительного разрыва. Такие разговоры укрепляли в подруге убеждение, что она имеет право требовать перемен, хотя открыто никто ещё не проносил того, к чему вели их встречи.

Пока у Галины не было причин для прямого обвинения. Она не слышала признаний и не видела убедительных свидетельств измены. Муж оставался рядом, подруга приходила в гости, обычные семейные заботы продолжались. Если какая-то мелочь и настораживала её, она быстро находила ей простое объяснение. Галина ещё не знала, насколько сильно изменились отношения двух близких ей людей.

ГЛАВА 5

ТРОЕ ЗА ОДНИМ СТОЛОМ

В первый раз он пришёл к ней без Галины почти случайно. По крайней мере, именно так они потом предпочитали вспоминать эту встречу. Она позвонила днём, сказала, что хотела бы обсудить один вопрос, и добавила, что Галина занята. Он спросил, нельзя ли поговорить по телефону. Подруга ответила, что разговор неприятный и ей нужен совет человека, которому она доверяет. Отказывать было неловко. К тому же

он уже успел привыкнуть к её особому вниманию и понимал, что приглашение имеет не только дружеский смысл.

Она открыла дверь без обычной суеты, будто давно ждала именно его. На столе стояли две чашки, чайник ещё оставался горячим. Мужчина заметил это, но промолчал. Ему понравилась сама мысль о том, что к его приходу готовились. Дома подобные мелочи давно не казались событием: Галина знала его привычки, и он воспринимал её заботу как часть общего быта. Здесь же всё выглядело личным знаком внимания, обращённым к нему одному. Подруга умело поддерживала это впечатление, не произнося ничего слишком откровенного.

Разговор начался с пустяков и постепенно повернул к Галине. Подруга осторожно спросила, не устал ли он от постоянных домашних забот. Он усмехнулся, ответил, что устают все, но потом стал жаловаться на то, как мало в последние годы они с женой разговаривают по-настоящему. Его собеседница не возражала, не пыталась защитить Галину и не напоминала, что семейное молчание зависит от обоих. Она только слушала, иногда задавая вопрос так, чтобы он сказал больше. К концу вечера мужчина почувствовал себя несправедливо обделённым вниманием, хотя ещё утром ничем подобным не мучился.

Когда он поднялся уходить, она задержала его у двери. Прикоснулась к рукаву, поправила загнутый край воротника и не сразу убрала руку. Мужчина мог отступить. Он

прекрасно понимал, что эта близость не имеет отношения к просьбе о совете. Вместо этого он наклонился и поцеловал её. Всё произошло без признаний, торжественных обещаний и объяснений. Потом оба стояли в тесной прихожей, испуганные собственной решимостью. Подруга первой нарушила молчание: попросила пока ничего не говорить Галине. Он согласился почти с облегчением.

По дороге домой он несколько раз мысленно менял объяснение своего отсутствия. На случай вопроса приготовил короткий ответ о задержавшихся делах. Но Галина встретила его спокойно, спросила об ужине и вернулась к тому, чем занималась. Она не потребовала отчёта, и именно это неожиданно задело мужа. Чужое внимание уже казалось ему доказательством собственной привлекательности, а доверие жены он принял за равнодушие. Позже ему будет удобно держаться этого вывода, чтобы не разбираться, почему он сам предпочёл ложь открытому разговору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.